

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА
«СЕМЬЯ ОППЕРМАН»**

Ключевые слова: интертекстуальные связи, исторический роман, эпиграф, цитата, атрибуция цитат, парафраз, прецедентный текст.

Роман Л. Фейхтвангера «Семья Опперман», вышедший в свет в 1933 году, во время жизни писателя в эмиграции, посвящен истории Германии 1930-х годов. На примере одной семьи показаны трагические изменения в жизни страны во время прихода к власти национал-социалистической партии. Данный роман представляет собой пример произведения, в тексте которого присутствуют различные виды интертекстуальных связей. Цитаты и парафразы связывают текст романа с произведениями таких классиков немецкой литературы, как Гёте, Лессинг, Клейст, и менее известных писателей, с поэзией Гомера и Шекспира, религиозными текстами христианства и иудаизма, текстами песен и оперных либретто. В произведении присутствуют атрибутированные цитаты и цитаты без указания источника и автора. Межтекстовыми связями насыщен не только авторский текст, но и прямая речь персонажей. В одних случаях герои произведения используют отсылки к определенным текстам как риторический прием, желая произвести впечатление на собеседника, в других — обращаются к прецедентным текстам как к духовно-нравственному ориентиру, ищут в них опору и утешение в трудное время. При этом тексты, относящиеся к мировой культуре, противопоставляются источникам из политической жизни 1930-х годов, связи с которыми также присутствуют в произведении. Прецедентные тексты, на которые ссылаются герои романа, характеризуют их мировоззрение и позволяют читателю лучше понять их поступки. Можно отметить также наличие паратекстуальных связей — важную смысловую нагрузку несут эпиграфы к отдельным главам произведения. В статье анализируются различные виды интертекстуальных связей и их функции в тексте романа.

A. V. MELGUNOVA
St. Petersburg State University

**INTERTEXTUALITY IN THE NOVEL “THE OPPERMANN’S”
BY LION FEUCHTWANGER**

Keywords: intertextual links, historical novel, epigraph, quotation, attribution of quotations, paraphrase, precedent text.

“The Oppermanns” was published by L. Feuchtwanger during his exile in 1933. The novel is dedicated to the German history of the 1930s. The tragic changes in the life of the country at the time of the Nazi rise to power are depicted through the story of one family. This novel comprises various types of intertextual links. Quotations and paraphrases interconnect the novel with the works of such classics of German literature as Goethe, Lessing, Kleist, and other less famous writers; with Homer and

Shakespeare's poetry; with religious materials of Christianity and Judaism; with song lyrics and opera librettos. The novel includes attributive quotations and quotations with no attribution. Both the authorial text and characters' direct speech are rich in intertextual links. In some cases the characters of the novel use the references to certain texts as a rhetorical device in order to create an impression on their interlocutors. In others they turn to precedent texts as a spiritual and mental guiding line, looking for support at hard times. However, the texts, related to world culture, are opposed to sources of political life of the 1930s, which the novel has also some affiliations with. Precedent texts referred to by the novel characters define their world view and allow the reader to better understand their actions. Furthermore, the presence of paratextual links should be noted. The epigraphs to some of the novel chapters carry important messages. The article analyses different types of intertextual links and defines their functions in the novel.

Жанр исторического романа предполагает использование различных источников при его написании. Связь с литературными, а также научными и публицистическими источниками может присутствовать во всех частях произведения.

Роман, рассмотрению которого посвящена данная статья, относится к трилогии «Зал ожидания» (Wartesaal), состоящей из трех произведений — «Успех» (Erfolg), «Семья Опперман» (Die Geschwister Oppermann) и «Изгнание» (Exil). В данной трилогии Л. Фейхтвангер обращается к истории современной ему Германии.

Роман «Семья Опперман» состоит из трех глав, обозначаемых автором как «первая книга» (erstes Buch) и так далее и имеющих свои названия — «Вчера» (Gestern), «Сегодня» (Heute) и «Завтра» (Morgen). Произведение завершается небольшим послесловием из двух абзацев. Каждой главе предшествует эпитафия.

Отношение текста к таким его частям, как эпитафия или послесловие, обозначается при помощи термина «паратекстуальность». Паратекстуальные связи важны для понимания произведения. Эпитафия «является цитатой по определению» и, будучи метатекстовым включением, играет большую роль в осмыслении текста, которому он предшествует [1, с. 429]. Рассмотрим эпитафии к главам романа (в порядке их следования) и их источники.

- (1) *Das Menschenpack fürchtet sich vor nichts mehr als dem Verstand. Vor der Dummheit sollten sie sich fürchten, wenn sie begriffen, was fürchterlich ist. Goethe* (Feuchtwanger, S. 6). — «Человеческий сброд ничего не боится более, чем разума. Глупости следовало бы ему бояться, если бы он понимал, что действительно ужасно. Гёте» (перевод здесь и далее мой. — А. М.).

- (2) *Die Deutschen haben die kulturwidrigste Krankheit und Unvernunft, die es gibt, auf dem Gewissen, den Nationalismus, diese névrose nationale, an der Europa krank ist: sie haben Europa um seinen Sinn, um seine Vernunft gebracht. Nietzsche* (Feuchtwanger, S. 124). — «У немцев на совести самая противная цивилизации, самая безумная болезнь из существующих — национализм, этот национальный невроз, которым больна Европа: они лишили Европу ее рассудка, ее разума. Ницше».
- (3) *Es ist uns aufgetragen, am Werke zu arbeiten, aber es ist uns nicht gegeben, es zu vollenden. Talmud* (Feuchtwanger, S. 232). — «Нам положено трудиться, но нам не положено завершить наш труд. Талмуд».

В эпиграфах цитируются классик немецкой литературы И. В. Гёте, немецкий философ Ф. Ницше и иудейский религиозный текст. Источники относятся к различным эпохам — наиболее древним является Талмуд, созданный еще до VII века нашей эры, а наиболее новым по хронологии является высказывание Ницше. Только в этом эпиграфе напрямую говорится о национализме, зарождение которого как раз мог наблюдать Ницше. Если два первых эпиграфа можно отнести к отраженной в романе ситуации, то эпиграф к последней главе характеризует скорее биографию некоторых героев романа.

Можно отметить также, что использованные в эпиграфах тексты, кроме эпиграфа второй главы, повторяются и в тексте самого романа. Например, высказывание Гёте вспоминает в первой главе один из персонажей, предваряя его словами:

Welche dunkle Zeit. Wieder einmal hatte Goethe recht (Feuchtwanger, S. 95). — «Какое мрачное время. И снова был прав Гёте».

В кратком авторском послесловии дается комментарий к содержанию книги и говорится об исторических документах, которые могут прояснить реалии того времени. Некоторые языковые черты данного послесловия можно сравнить с тем, что отмечается исследователями как характерная черта предисловия — например, наименование основного текста, сопровождающееся указательным местоимением и фигурирующее в составе генитивной конструкции [4, с. 39–40]:

Kein einziger von den Menschen dieses Buches existierte aktenmäßig innerhalb der Grenzen des Deutschen Reiches in den Jahren 1932/33, wohl

aber ihre Gesamtheit (Feuchtwanger, S. 375). — «Ни один из героев **этой книги** не существовал как зарегистрированное в официальных актах лицо на территории Германской империи 1932–1933 годов, но существовала их совокупность».

Наиболее важным в романе является цитирование немецкой классической литературы. Однако в нем присутствуют и фрагменты известных произведений литературы мировой. К таким текстам, называемым прецедентными, можно отнести Библию, произведения классиков мировой литературы — например, Шекспира. Наряду с литературными произведениями к прецедентным текстам также относятся народные песни, молитвы. Обращение к прецедентным текстам служит для сопоставления различных эпох и свойственных этим эпохам ценностей [1, с. 365]. Следует отметить, что многие цитаты являются переводными.

Er selber, Edgar, lächelte über Ruths Zionismus. Er sollte sich mehr um sie kümmern. <...> Geh nicht in ein Kloster, Ophelia (Feuchtwanger, S. 83). — «Он сам, Эдгар, посмеивался над сионизмом Рут. Ему следовало бы больше заботиться о ней. <...> **Не** иди в монастырь, Офелия».

В данном случае применяется трансформация реплики Гамлета из известного произведения Шекспира в немецком переводе, которая не содержит отрицания: *Geh in ein Kloster!* (Shakespeare, Kapitel 4).

В романе присутствуют разные типы цитирования, например цитаты с атрибуцией. Иногда при этом указываются как автор, так и название произведения. Когда имеет место атрибуция, цитаты в романе, как правило, точно передают оригинал.

Einer erwähnte Kleists wilden Hymnus „Germania an ihre Kinder“. „Eine großartige Dichtung“, eiferte sich Vogelsang. Er kannte das Gedicht auswendig, zitierte einige jener gewaltigen Verse irrsinnigen Hasses gegen die Welschen:

„<...> *Schlagt ihn tot! Das Weltgericht
Fragt euch nach den Gründen nicht!*“

Ekstatisch zelebrierte Vogelsang die Verse des Hasses (Feuchtwanger, S. 58).

«Кто-то упомянул дикий гимн Клейста „Германия — своим детям“. „Великолепные стихи“, — воодушевился Фогельзанг. Он знал

стихотворение наизусть, процитировал несколько из тех мощных стрóf бешеной ненависти к чужеземцам:

„<...> Убивайте! На Страшном суде
Вас не спросят о причинах!“

Фогельзанг в экстазе декламировал наполненные ненавистью строфы».

В некоторых случаях указывается только имя автора:

*Dr. Vogelsang war von tiefer Freude erfüllt. <...> “Was euch nicht zugehört, / Müsset ihr meiden, / Was euch das Innre stört, / Dürft ihr nicht leiden.” Diese Jugend verstand, **ihren Goethe** in die Tat umzusetzen* (Feuchtwanger, S. 147). — «Доктора Фогельзанга наполняла глубокая радость. <...> „Что вам не принадлежит, / Того избегайте, / Что нарушает ваш внутренний мир, / Того не терпите“. Эта молодежь знала, как воплотить **своего Гёте** в жизнь».

Интересно, что иногда отсылки к одним и тем же представителям немецкой классики используются не только теми, кто выступает за гуманизм и культуру, но и их противниками — к примеру, преподаватель гимназии Фогельзанг, являющийся сторонником Гитлера, цитирует не только книгу своего фюрера «Моя борьба» (Mein Kampf), но также Гёте и Клейста. Подобно тому, как религиозные тексты могут использоваться не только людьми, стремящимися к добру и самосовершенствованию, но и настроенными на разрушение и насилие, немецкая литература представляет собой богатый материал, где каждый находит свое, иногда вкладывая в цитаты вовсе не тот смысл, который имел в виду писатель.

Представляет собой исключение цитирование, при котором читатель узнаёт даже том и страницу книги. Данная цитата включена не в устную речь или мысли персонажей, как в большинстве случаев, а является частью предсмертной записки Бертольда Оппермана, который, прочитав рассказ Клейста «Михаэль Кольхаас» (Michael Kohlhaas), использует фразу из этого рассказа как точно отражающую его чувства:

Nein, Prosa ist besser. Und er schreibt: „Lieber ein Hund sein, wenn ich von Füßen getreten werden soll, als ein Mensch (Kleist, Inselausgabe, 4. Band, Seite 30)“ (Feuchtwanger, S. 226). — «Нет, лучше проза.

И он пишет: „Лучше быть собакой, если меня должны попирать

ногами, чем человеком (Клейст, издательство «Инзель», том 4, страница 30)“».

Для художественного текста наиболее типичны цитаты без атрибуции [6, с.126]. Будучи воспроизводимыми в мыслях или речи героев произведения, они не всегда точны:

„*Weißt du, mein Junge*“, *sagte Onkel Joachim* <...> „*Der eine fragt, was kommt danach, / Der andre, was ist recht, / Und **dadurch** unterscheidet sich / Der Freie von dem Knecht.*“ *Hermann hat recht gehabt* (Feuchtwanger, S.64). — «„Знаешь, мой мальчик“, — сказал дядя Йоахим <...>. — „Один спрашивает, что будет после, / А другой — **что** справедливо — / **Этим** и отличается / Свободный человек от раба“. Герман был прав».

Цитата из стихотворения Т.Шторма неточна. Однако замена элементов не искажает общего смысла:

*Der eine fragt, was kommt danach,
Der andre **fragt nur: Ist es recht?**
Und **also** unterscheidet sich
Der Freie von dem Knecht* (Storm, S. 148).

«Один спрашивает, что будет после,
А другой **спрашивает только:** что справедливо?
И **таким образом** отличается
Свободный человек от раба».

Трансформации исходной цитаты могут быть разного типа, но чаще всего в данном произведении имеют место грамматические и синтаксические преобразования.

*Herr Wolfsohn sieht ihn **mit einem nassen, einem heitern Auge** scheiden* (Feuchtwanger, S. 165). — «Господин Вольфсон видит, как он уходит — наполовину печален, наполовину весел».

В этом случае меняется порядок слов по сравнению с переводом произведения Шекспира на немецкий язык: *Mit einem heitern, einem nassen Aug'* (Shakespeare, Kapitel 2).

Aber er bleibt im Lande und nährt sich redlich (Feuchtwanger, S.105). — «Но он остается в своей стране и добывает пропитание честным трудом».

Данное выражение относится к фразеологизмам библейского происхождения (Пс. 37: 3) и имеет форму императива: *Bleibe im Lande und nähre dich redlich* [8, S. 461]. Здесь имеет место замена грамматической формы повелительного наклонения на форму изъявительного, которая является вполне естественной, так как во фразе отсутствует побудительный смысл, она используется для описания действий героя произведения.

Возможно, подобные замены не несут особой смысловой нагрузки. Однако в следующем случае можно предположить, что определенный смысл в изменении цитаты есть.

„*Dulde auch dieses, mein Herz, du hast soviel schon geduldet.*“ *Fernher umplätscherten ihn die Hexameter. Ach, sich ihnen hingeben dürfen* (Feuchtwanger, S. 190). — «Терпи и это, мое сердце, **ты уже так много терпело**». Издалека доносился плеск волн гексаметров вокруг. Ах, если бы он мог целиком погрузиться в них!»

В вариантах перевода «Одиссеи» на немецкий язык цитируемая фраза включает форму сравнительной степени:

Dulde, mein Herz! Du hast noch härtere Kränkung erduldet <...> (Homer II, Kapitel 52). — «Терпи, мое сердце! Ты терпело и **более жестокие** оскорбления <...>»

либо

Dulde nun aus, mein Herz! Noch Härteres hast du geduldet (Homer I, S. 204). — «Выдержи теперь, мое сердце! Ты терпело и **более тяжкие** испытания».

Но сравнительная степень отсутствует в интерпретации гомеровской фразы героем произведения, хотя он, будучи преподавателем гимназии, несомненно, хорошо знаком с данным текстом. Возможно, это связано с тем, что именно трагические события, происходящие в его жизни в настоящее время, являются наиболее тяжелыми из всего, что ему приходилось переживать прежде.

Неточность цитаты также может быть исправлена в тексте — например, Густав Опперман во время принудительной работы в концлагере вспоминает высказывание Лессинга. То, что это удается ему не сразу, показывает, насколько изменило его все пережитое.

„*Geh deinen langsamen Schritt, ewige Vorsehung.*“ *Es heißt nicht „langsam“; „unmerklich“ heißt es.* „*Geh deinen unmerklichen Schritt, ewige Vorse-*

hung. „Ärgerlich, daß er nicht weiter weiß. Dafür hat er jahrelang am Lessing gearbeitet <...>. Hurra, jetzt weiß er, wie es weiter heißt: „nur laß mich deiner Unmerklichkeit wegen an dir nicht verzweifeln.“ Daß ihm das eingefallen war, befriedigte ihn (Feuchtwanger, S. 370). — „Иди своим медленным шагом, вечное провидение“. Нет, правильно не „медленным“, а „незаметным“. „Иди своим незаметным шагом, вечное провидение“. Он рассердился, что не может вспомнить, как дальше. А ведь он много лет занимался Лессингом. Ура, теперь он знает, как дальше: „только не позволяй мне из-за твоей незаметности усомниться в тебе“. Он был доволен, что вспомнил это».

Тексты, с которыми существует интертекстуальная связь, могут быть объектами парафраза [3, с. 215]. Мы можем отнести к таким парафразам пересказы известных произведений, например:

Es ist eine scheußliche Komödie. Ein König in Unterhosen hockt da, und das Volk liegt auf den Knien und schreit, was er für einen herrlichen Ornat hat (Feuchtwanger, S. 334). — «Это отвратительная комедия. Король сидит в нижнем белье, а народ, преклонив колени, кричит, какой у него чудесный наряд».

К источникам, фигурирующим в произведении, относится не только художественная литература, но и другие известные тексты, при этом они не всегда цитируются. Упоминаются труды историков Т. Моммзена, Г. Дессау (Feuchtwanger, S. 195), которые используются персонажами в образовательных целях. Народные легенды и даже оперные либретто также относятся к этим текстам. К примеру, преподаватель гимназии употребляет при общении с учениками в качестве риторического приема подходящие по ситуации фразы в повелительном наклонении, например: *Landgraf, werde hart!* (Feuchtwanger, S. 142) — «Ландграф, стань твердым!» из народной легенды о кузнеце из Рулы и тому подобные выражения:

Und als Oppermann vorgetreten war, fügte Vogelsang, heute offenbar sehr gut aufgelegt, mit scherzhaft wohlwollender Aufmunterung hinzu: „Wolfram von Eschenbach, beginne!“ (Feuchtwanger, S. 88). — «И когда Опперман вышел вперед, Фогельзанг, сегодня, очевидно, будучи в очень хорошем настроении, добавил, шутливо и благосклонно подбадривая: „Вольфрам фон Эшенбах, начинай!“».

В данном случае говорящий цитирует слова из либретто к опере Р. Вагнера «Тангейзер» (Wagner).

Тексты песен также присутствуют в романе — в основном в виде названий, но иногда приводятся и отрывки из текста. Это песни на немецком языке — религиозные и светские, а также религиозные на иврите и народные на идиш.

Aus dem Radio klangen Glocken, Choräle, fromme Lieder. Die Kinder sangen: „Stille nacht, heilige Nacht“ (Feuchtwanger, S. 100). — «Из радиоприемника доносились записи колокольного звона, хоралы, религиозные песни. Дети пели: „Тихая ночь, святая ночь“».

Если цитируется песня не на немецком языке, то автор приводит в тексте информацию, поясняющую ее содержание и значение в соответствующей культуре:

Jetzt singen sie die Hymne: „Moaus zur jeschuosi, Hort und Fels meines Heils“. *Es ist eine sehr alte Hymne, so was wie die jüdische Nationallhymne* (Feuchtwanger, S. 103). — «Теперь они пели гимн „Маоз цур ешуати — оплот и твердыня моего спасения”. Это очень старый гимн, что-то вроде еврейского национального гимна».

В романе показано сосуществование двух культур в кругу общения друзей и родственников. Хотя иногда возникают споры, которые, как правило, разрешаются мирно — как, например, какой гимн красивее, рождественский или ханукальный. В результате один из персонажей говорит, что обе песни одинаково красивы (Feuchtwanger, S. 103).

При цитировании песен во многих случаях присутствует также оценочная лексика, которая показывает нам восприятие песни персонажами:

Ein Grammophon spielte das Horst-Wessel-Lied. „Die Straße frei den braunen Bataillonen”, quäkte es. *„Die Straße frei dem Sturmabteilungsmann. Es schau auf's Hakenkreuz voll Hoffnung schon Millionen. Der Tag für Freiheit und für Brot bricht an.“* (Feuchtwanger, S. 257). — «Из граммофона доносилось верещание песни Хорста Весселя. „Дорогу коричневым батальонам! Дорогу штурмовикам! Глядят на свастику с надеждой миллионы. Наступает день свободы и достатка“».

В следующем случае цитата из песни подвергается персонажем трансформации для достижения комического эффекта и демонстрации бессмысленности песни, которую он слышит с улицы:

Unten zog ein Trupp völkischer Landsknechte vorbei, sie sangen. „Wenn die Handgranate kracht, / das Herz im Leibe lacht“, sangen sie. Jaques Lavendel schüttelte den Kopf. „Man kann es auch umdrehen“, meinte er. „Wenn die Handgranate lacht, / das Herz im Leibe kracht“ (Feuchtwanger, S. 176). — «Внизу проходила с песней группа нацистских боевиков. „Когда взрывается граната, / смеется сердце в груди“, — пели они. Жак Лавендель покачал головой. „Можно и наоборот повернуть“, — сказал он. — „Когда смеется ручная граната, / взрывается сердце в груди“».

После чего он закрывает окна и ставит на граммофон пластинку с народными песнями, которые ему нравятся.

Интертекстуальные отсылки могут вводиться в текст при помощи сравнения [6, с. 50]. Актуальные ситуации и поступки персонажей сопоставляются с событиями, происходящими в различных художественных произведениях, при этом называются имена героев соответствующего произведения.

Sie wußten aber auch, daß am Ende immer Vernunft die Dummheit besiegt mit der gleichen Sicherheit, mit der Odysseus den Zyklopen Polyphem besiegte <...> (Feuchtwanger, S. 115). — «Но они также знали, что в конце концов разум всегда побеждает глупость с той же уверенностью, с какой Одиссей победил циклопа Полифема <...>».

В следующем примере учитель гимназии сравнивает поведение одного из учеников, который совершил убийство, с возможными действиями такого народного героя, как Вильгельм Телль. Преступление, совершенное учеником, остается без наказания, так как убитый был журналистом, выступающим против нацистов. В связи с изменившейся ситуацией в стране поступок гимназиста оценивается как героический.

An einem anschaulichen Beispiel hat er ihnen vorgelebt, wie ein Wilhelm Tell <...> auf die schäbigen Angriffe eines Karper reagiert hätte (Feuchtwanger, S. 147–148). — «На наглядном примере он продемонстрировал им, как бы отреагировал Вильгельм Телль на грязные нападки Карпера».

В отдельных случаях одно лишь имя писателя без ссылки на произведение используется либо в качестве инструмента в споре, либо как авторитет при решении проблемы, формулировке совета. К примеру, в эпизоде, когда один герой романа уговаривает другого

покинуть Германию, где тому опасно находиться, и у него кончаются аргументы, он приводит еще один довод в пользу отъезда:

Bitte, gehen Sie fort aus Deutschland. <...> Glauben Sie mir, unser Lessing würde Ihnen das gleiche sagen (Feuchtwanger, S. 354). — «Пожалуйста, уезжайте из Германии. <...> Поверьте, **наш Лессинг сказал бы Вам то же самое**».

В романе присутствуют упоминания книги Гитлера «Моя борьба» (Mein Kampf) и цитаты из нее. В случае, если книга цитируется (упоминается) не сторонниками Гитлера, это делается в критическом ключе, с соответствующими комментариями автора и персонажей.

Aber lange hielt Rektor François die unappetitliche Lektüre nicht aus. „Ich kann Ihnen kaum schildern, lieber Freund“, sagte er „wie unbehaglich mir zumute wird. Wenn ich etwas aus diesem unsauberen Buch hören muss <...>“ (Feuchtwanger, S. 118). — «Но директор Франсуа не мог долго выдерживать это **неаппетитное чтение**. „Едва ли я могу Вам объяснить, дорогой друг“, — сказал он, — „насколько мне становится не по себе, когда мне приходится слышать что-то из **этой грязной книги**“».

Книга «Моя борьба» критикуется в романе не только в отношении содержания, но и из-за ее стилистических и грамматических недостатков [2, с. 134].

Фейхтвангер показывает, насколько образованный класс не осознает опасности новой идеологии. В конце первой главы Густав Опперман и директор гимназии Франсуа обсуждают различную реакционную литературу, в том числе фальшивый документ «Протоколы сионских мудрецов» и книгу Гитлера. Произведение лидера нацистов кажется собеседникам настолько нелепым, что отдельные цитаты из него зачитываются с целью посмеяться над ними. К концу разговора собеседники полностью убеждают друг друга, что немецкий народ, воспитанный на произведениях немецкой классической литературы, не сможет опуститься до такой идеологии. Заканчивается глава предложением о том, что автор книги «Моя борьба» избран рейхсканцлером.

Название прецедентного текста может использоваться для создания метафоры, как в следующем случае:

Niedergelegt sei das Evangelium des Führers in dem Buche „Mein Kampf“; die Gefangenen hätten das Recht, dieses Buch zu kaufen, kartoniert

um fünf Mark siebzig, gebunden um sieben Mark zwanzig (Feuchtwanger, S. 361). — «Изложено **Евангелие** фюрера в книге „Моя борьба“; заключенные имеют право купить эту книгу — в картонной обложке за пять марок семьдесят, в переплете — за семь марок двадцать».

Данная метафора не случайна, хотя и используется с иронией, так как новая идеология претендует практически на место религии. С темой нацизма оказывается связанным даже такой тип религиозного текста, как молитва. Текст молитвы дополняется актуальными лозунгами.

*Sie marschierten zurück ins Lager. Sangen das Horst-Wessel-Lied. Sprachen das Tischgebet: „Komm, Herr Jesus, sei unser Gast / und segne, was du uns bescheret hast. / **Schütze unsere deutsche Nation / und unseren Reichskanzler Hitler, ihren größten Sohn.**“* (Feuchtwanger, S. 359). — «Они маршировали обратно в лагерь. Пели песню Хорста Весселя. Перед едой произносили молитву: „Приди, Иисус, будь нашим гостем / и благослови твои дары. / **Защити нашу немецкую нацию / и рейхсканцлера Гитлера — ее величайшего сына**“».

Одна из важных функций интертекстуальных связей — характеристика персонажей, их внутреннего мира, уровня образования, отношения к культуре, принадлежности к определенному социальному кругу [5, с. 112].

Главные герои романа принадлежат к образованному слою общества. Прожив всю жизнь в Германии и получив там образование на немецком языке, они ближе к немецкой культуре, чем к еврейской.

*Was sollte man auch sagen zu einem solchen Bericht, wenn man Deutschland liebte? Was heißt das: liebte? Irgendein alter Vers stieg in ihm hoch, **hat er ihn selber gemacht oder ein anderer:** „Und liebst du Deutschland? Frage ohne Sinn. / Kann ich das lieben, was ich selber bin?“* (Feuchtwanger, S. 271). — «Да и что можно было сказать о таком сообщении, если любил Германию? Что это значит: любил? Ему вспомнились какие-то старые стихи — **то ли он сам их сочинил, то ли кто-то другой:** „А любишь ли ты Германию? Вопрос не имеет смысла. / Могу ли я любить то, чем являюсь я сам?“».

В передаче последнего предложения из отрывка стихотворения есть неточности, так как там объединяются слова из разных строф. Цитируемое стихотворение о любви к Германии принадлежит Ю. Бабу, который написал его в 1914 году, во время Первой миро-

вой войны. В этом стихотворении Баб — автор еврейского происхождения — полностью идентифицирует себя с Германией, понятия «я» и «Германия» являются для него абсолютными синонимами [7, S. 173–174]. Показательно, что и Густаву Опперману кажется, что он мог сам сочинить эти строки — настолько они ему близки.

Беседы о литературе занимают в романе большое место — и не только потому, что в сюжете присутствуют описания уроков в гимназии. Такие диалоги имеют место намного чаще в сценах из повседневной жизни персонажей.

В большинстве случаев, принимая решение или находясь в трудной жизненной ситуации, герои произведения обращаются к литературным источникам в надежде получить совет и понять, как им следует поступить. Например, в разговорах директора гимназии с учеником старшего класса Бертольдом Опперманом собеседники практически никогда не обходятся без этой темы.

Er wußte nicht recht, was zu sagen; schließlich <...> brachte er heraus: „Na, Oppermann, was lesen Sie denn jetzt in der Klasse?“ Berthold, und in seiner Stimme was fast mehr Resignation als Bitterkeit, erwiderte: „Den vaterländischen Dichter Ernst Moritz Arndt und den vaterländischen Dichter Theodor Körner und immer mal wieder den ‚Nationalsozialistischen Liederschatz‘, Herr Rektor“ (Feuchtwanger, S. 152). — «Он не знал, что сказать; наконец <...> произнес: „Ну, Опперман, что вы сейчас читаете в классе?“ Бертольд, в голосе которого звучало больше разочарования, чем горечи, ответил: „Поэта-патриота Эрнста Морица Арндта, поэта-патриота Теодора Кёрнера и постоянно ‚Сокровищницу национал-социалистических песен‘, господин директор“».

Директор гимназии, желая поддержать оказавшегося в трудной ситуации ученика, сначала обращается к историям из античной мифологии, затем советует Бертольду прочитать две басни из книги Дёблина, а также не художественное произведение, но опубликованный текст — одно из писем Лессинга, адресованное Эшенбургу, которое он написал после смерти своей жены (Feuchtwanger, S. 153).

Berthold las. Es war ein bißchen seltsam, daß Rektor François ihm gerade diesen Brief von der Zangengeburt zur Lektüre empfahl. Aber angerührt war Berthold. Daß dieser Lessing am Sterbebett seiner offenbar sehr geliebten Frau seinem Freunde vom Absterben dieser Frau berichtete und ihn, eh die Tinte trocken war, ersuchte, ihm Literatur für seine Arbeit zu schicken, das war schon allerhand. Leicht hat er es nicht gehabt, dieser Schriftsteller

G. E. Lessing. Als er seinen „Nathan“ schrieb, sein Bekenntnis für die Emanzipation der Juden, erklärten die damaligen Völkischen, er sei dafür noch bezahlt worden. **Immerhin hat niemand von ihm verlangt, daß er Abbitte tue und widerrufe.** Es ist in den hundertfünfzig Jahren seither erheblich finsterner geworden in Deutschland (Feuchtwanger, S. 154–155). — «Бертольд читал. Было немного странно, что директор Франсуа рекомендовал ему прочитать именно это письмо о родах с наложением щипцов. Но Бертольд был тронут. То, что этот Лессинг у постели умершей жены, которую он, очевидно, очень любил, сообщает своему другу о ее смерти и, когда еще не успели высохнуть чернила, сразу же просит его выслать литературу для его работы — это значило немало. **Нелегко ему приходилось, этому писателю Г. Э. Лессингу.** Когда он написал своего „Натана“ — высказывание в пользу эмансипации евреев, националисты того времени объявили, что ему за это заплатили. **Тем не менее никто не требовал от него, чтобы он извинился и отрекся от написанного.** За последние 150 лет, прошедших с тех пор, в Германии стало значительно мрачнее».

Бертольд Опперман думает о прочитанном, о биографии Лессинга вообще и пытается сопоставить информацию о нем с ситуацией в своей жизни — конфликтом с учителем-нацистом, требованием отречься от своих слов, от своей точки зрения. В другой беседе тех же персонажей говорится о произведениях драматурга Ф. К. Хеббеля.

„Wir haben Hebbel gelesen“, fängt er schließlich an... „<...>. Dr. Heinzius hat uns gesagt, der ganze Hebbel hat ein einziges Thema: **verletzte Menschenwürde.** Laesa humanitas. Ich habe noch „Herodes und Mariamne“ gelesen. Nicht als Klassenlektüre, für mich. Mariamne könnte sich das Leben retten, wenn sie nur spräche. <...> **Sie stirbt, aber sie spricht nicht.** Dr. Heinzius hat uns sehr deutlich gemacht, was das ist, laesa humanitas. **Haben nur alte Könige humanitas? Bin ich ein Dreck?** <...>“ (Feuchtwanger, S. 194–195). — «„Мы читали Хеббеля“, — наконец начал он... „<...> Доктор Гейнциус говорил нам, что все творчество Хеббеля посвящено одной теме: **оскорбленному человеческому достоинству.** Laesa humanitas. Я читал еще „Ирода и Мариамну“. Не по школьной программе, самостоятельно. Мариамна могла бы спасти свою жизнь, если бы только заговорила. <...> **Она умирает, но не говорит.** Доктор Гейнциус очень хорошо разъяснил нам, что это такое — laesa humanitas. **Разве им обладают только короли? А я что, ничтожество?** <...>“.

Конфликт Бертольда с преподавателем Фогельзангом заканчивается трагически — ученик не считает возможным, как от него требуют, извиниться и отречься от своих слов, произнесенных во время доклада в классе, и предпочитает, как и персонаж Хеббеля, «умереть, но не сказать».

Другая функция интертекстуальных связей романа — противопоставление классической культуры, проповедующей гуманизм, и новой, варварской идеологии нацизма.

Dies Deutschland von 1933 ist nicht mehr das Deutschland unserer Jugend. Es hat nichts zu tun mit dem Deutschland Goethes und Kants, daran muß man sich gewöhnen. Aus dem „Faust“ kann er wenig über dieses Deutschland lernen, da muß er schon das Buch „Mein Kampf“ studieren (Feuchtwanger, S. 133). — «Эта Германия 1933 года уже больше не была Германией нашей молодости. У нее нет ничего общего с Германией Гёте и Канта, к этому нужно привыкнуть. Из „Фауста“ он может немного узнать об этой Германии, тут ему придется прочитать „Мою борьбу“».

Новая идеология проникает во все области жизни, в том числе и в сферу образования, пагубно воздействуя на подрастающее поколение.

*Mit behutsamen Fingern, die Berührung des Papiers schon war ihm widerwärtig, blätterte Rektor François in dem „Nationalsozialistischen Liederschatz“, dem offiziellen Liederbuch der Völkischen, dessen Verse jetzt auf Betreiben Vogelsangs seine Jungen auswendig lernen mussten. Was für Verse. „Und wenn die Handgranate kracht, / das Herz im Leibe lacht“, und: „Wenn’s Judenblut vom Messer spritzt, / dass geht’s noch mal so gut.“ **In den Schulsälen, in denen vorher die Strophen Goethes und Heines, die gebändigten Sätze Kleistscher Prosa erklungen waren, rülpste man jetzt diese Gemeinheiten** (Feuchtwanger, S. 151–152). — «Осторожно, как будто одно лишь прикосновение к бумаге было ему неприятно, директор Франсуа листал „Сокровищницу национал-социалистических песен“ — официальный песенник нацистов, стихи из которого его ученики теперь по инициативе Фогельзанга должны были учить наизусть. Что это были за стихи. „Когда взрывается граната, / смеется сердце в груди“ и „Когда еврейская кровь капает с ножа, / жизнь становится еще лучше“. **В классах, в которых раньше звучали строфы Гёте и Гейне, размеренные предложения прозы Клейста, теперь изрыгали эти мерзости**».*

Роман был написан в 1933 году, когда далеко не все осознавали огромную опасность, исходившую от нацизма. Можно сказать, что это роман-предостережение. Текст данного произведения в большей степени насыщен цитатами и отсылками к другим произведениям, чем романы Фейхтвангера о давно прошедших эпохах. Связи романа с различными текстами настолько разнообразны, что не могут быть в полной мере рассмотрены в рамках одной статьи. В первую очередь многочисленные интертекстуальные связи служат именно для создания контраста между культурой созидания и движением к разрушению. В отсылках к мировой культуре также содержится надежда на победу добра над злом, которая все-таки наступит однажды:

„<...> *Ulysses gerät in die Höhle Polyphems. Das erlebt jede Epoche. Aber jede Epoche erlebt auch, daß am Ende Ulysses den Polyphem besiegt. Nun dauert es manchmal etwas lange. Ich werde es höchstwahrscheinlich nicht mehr erleben, aber Sie werden es erleben*“ (Feuchtwanger, S.153). — «<...> Одиссей попадает в пещеру Полифема. Это происходит в любую эпоху. Но и каждая эпоха видит, что в конце концов Одиссей побеждает Полифема. Правда, иногда это происходит не скоро. Очень вероятно, что я этого уже не увижу, но Вы увидите».

Источники иллюстративного материала и сокращения

Feuchtwanger — *Feuchtwanger, L.* Die Geschwister Oppermann. Berlin: Aufbau Verlag, 2013. 382 S.

Homer I — *Homer.* Werke: in 2 Bdn. Bd. 2. Odyssee / übersetzt von J. H. Voß. Wien: R. Sammer, 1844. 250 S.

Homer II — *Homer.* Odyssee / übersetzt von J. H. Voß. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/odyssee-1822/52> (дата обращения: 22.11.2018).

Shakespeare — *Shakespeare, W.* Hamlet / übersetzt von A. W. von Schlegel. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-5600/> (дата обращения: 28.10.2018).

Storm — *Storm, Th.* Sprüche // Gesammelte Schriften: in 6 Bdn. Bd. 1. Braunschweig: Westermann, 1872. 224 S.

Wagner — *Wagner, R.* Tannhäuser: Libretto. <http://wagner.su/book/export/html/292> (дата обращения: 15.12.2018).

Литература

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Ленанд, 2016. 448 с.

2. Мельгунова, А.В. Оценочная лексика в немецкой критике языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). С. 133–137.
3. Москвин, В.П. Методы и приемы лингвистического анализа. М.: Флинта; Наука, 2015. 224 с.
4. Нefёдов, С.Т. Интертекстуальные измерения авторского предисловия // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. 4. Текст и текстовые единицы: сб. науч. статей / под ред. Е. А. Гончаровой, С.Т. Нefёдова, К.Р. Новожиловой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 32–48.
5. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г.К. Косикова. М.: Ленанд, 2015. 240 с.
6. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. М.: Либроком, 2012. 282 с.
7. Albanis, E. German-Jewish Cultural Identity from 1900 to the Aftermath of the First World War. A Comparative Study of Moritz Goldstein, Julius Bab and Ernst Lissauer. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2013. 318 p.
8. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2002. 960 S. (Duden. Deutsche Sprache: in 12 Bdn. Bd. 11).

References

1. Arnold, I. V. *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Moscow, Lenand Publ., 2016, 448 p. (In Russian)
2. Mel'gunova, A. V. Evaluative Vocabulary of German Language Criticism. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 8 (86), pp. 133–137. (In Russian)
3. Moskvina, V.P. *Methods and Techniques of Linguistic Analysis*. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2015, 224 p. (In Russian)
4. Nefedov, S. T. The Intertextual Dimensions of the Authorial Preface. *Nemetskaiia filologiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, issue 4, *Tekst i tekstovye edinitcy: sb. nauch. statei*, ed. by E. A. Goncharova, S. T. Nefedov, K. R. Novozhilova. St. Petersburg, Izd-vo S. Peterb. un-ta Publ., 2014, pp. 32–48. (In Russian)
5. Piegay-Gros, N. *Introduction to the Theory of Intertextuality*, transl. from French by G. K. Kosikov. Rus. ed. Moscow, Lenand Publ., 2015, 240 p. (In Russian)
6. Fateeva, N. A. *Intertext in the World of Texts. The Counterpoint of Intertextuality*. Moscow, Librokom Publ., 2012, 282 p. (In Russian)
7. Albanis, E. *German-Jewish Cultural Identity from 1900 to the Aftermath of the First World War. A Comparative Study of Moritz Goldstein, Julius Bab and Ernst Lissauer*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2013, 318 p.

8. *Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2002, 960 p. (Duden. Deutsche Sprache, in 12 vols., vol. 11).

Мельгунова Анна Владиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Anna V. Melgunova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.melgunova@spbu.ru

SPIN-код: 7190-7242; AuthorID: 381891; ResearcherID: P-5830-2015